Текст · 29 мая 2023, 11:44
Сергей Голубев,

Туман войны. Фотограф Николь Танг — о том, как она снимает боевые действия в Украине

Николь Танг уже больше 10 лет работает в зонах конфликтов и на протестах по всему миру: от Ирака до Конго, от Сирии до Гонконга, от Ливии до Бангладеш. В первые дни войны в Украине она отправилась туда по заданию журнала *Harper's* — и с тех пор провела много месяцев на фронте и в тылу, снимая также для *New York Times* и *Washington Post*. В интервью «Медиазоне», которое продолжает серию разговоров с фотографами-, Танг рассказала о том, как люди адаптируются к войне, но не смиряются с ней, о жизни в постоянном напряжении и одной истории с пленным, которая для нее оказалась важнее любых съемок с передовой.

В ту неделю в конце февраля 2022 года, конечно, только и было разговоров: начнется вторжение, не начнется... Рано утром 24-го мне посыпались уведомления в телефон. Но я в тот момент была на другом задании, фотографировала учения, которые американский спецназ устроил для африканских партнеров в Кот-д'Ивуаре. Уехать сразу я не могла, но уже через пару дней оказалась в Стамбуле, где я живу, а 27 февраля села на поезд из Варшавы в Киев.

В Украину со мной ехали всего несколько десятков мужчин. Они возвращались, чтобы помочь выбраться из страны своим семьям, пойти в армию. А вот вокзал в Киеве был просто забит людьми до отказа. Шеренги людей, одна за одной, одна за одной. Семьи с парой

сумок, детьми, домашними животными… И вот тут меня накрыло: ох, да, это все по-настоящему.

* * *

Я провела в Украине большую часть первого года войны. Была на юге и на востоке, на северо-востоке и на западе. Поначалу работала для журнала *Harper's*. Они очень много внимания уделяют визуальной составляющей съемки и не гонятся за срочными новостями. Это дало мне время немного сориентироваться, пофотографировать много самых разных событий и людей в начале вторжения.

В Украине я никогда раньше не снимала, в России тоже не бывала. Здесь работа строится совсем не так, как на Ближнем Востоке, в Азии или в Африке. Задача фотографа не сводится к тому, чтобы просто сделать снимок происходящего. Нужно научиться читать людей, освоить их язык тела, понимать, насколько они открыты или замкнуты. В первые недели мне нужно было очень много про них понять. Потому что без эмпатии, особенно когда фотографируешь настолько чувствительные, тяжелые истории, снимки получаются куда менее мощными.

В Киеве люди были чрезвычайно закрытые, очень настороженно относились к чужакам. Многие из них впервые попали в такого рода ситуацию (в отличие от тех, кто живет на востоке Украины и в состоянии войны к тому времени провели уже восемь лет).

Люди ждут эвакуации на вокзале в Ирпене, 4 марта 2022 года. Фото: Nicole Tung

Мои первые фотографии из Украины были в основном черно-белыми. *Harper's* довольно гибкое издание в том, что касается стиля и визуального языка съемки, а я чувствовала себя настолько неуверенно, что, как мне казалось, именно черно-белые снимки смогут создать более или менее цельный образ происходящего. Потом уже я стала снимать в цвете для *Washington Post* и *New York Times*.

Природа этой войны тоже довольно сильно отличается от того, с чем я сталкивалась, например, в Сирии или Ираке. Там ты в первую очередь думаешь о таких опасностях, как похищение, теракт, атака смертника. В Украине же большую часть времени шла артиллерийская война, городских боев не так много — ну или оказаться в их гуще очень непросто. При этом артиллерия — это постоянная угроза, особенно в прифронтовых районах. И даже в Киеве или на западе Украины можно попасть под ракетный обстрел, так что начеку приходится быть постоянно.

* * *

Довольно часто оказываешься там, где риски заведомо выше. Например, я работала над историей про Днепр — как живет река во время войны. И мы с командой были под Херсоном, в деревне Антоновка, прямо рядом с Антоновским мостом.

Этот район и особенно восточная часть моста постоянно были под обстрелами, которые неизменно начинались в одно и то же время. Когда я там была, люди рассказывали про свой распорядок дня: условно, с утра я варю борщ, потом стираю белье, а к полудню уже иду в укрытие. И вот — 11:30 утра, кругом туман, и мы слышим приближающуюся канонаду. Удары снарядов все ближе и ближе. Когда один упал совсем рядом с нами, мы решили спрятаться в одном из домов.

Там мы обнаружили двух пожилых женщин, они прятались от снарядов. Мы стали спрашивать, почему они не уезжают. Это всегда очень интересные для меня разговоры, потому что причин великое множество. Одни надеются, что все вот-вот закончится — возможно, уже завтра, — и можно будет вернуться к нормальной жизни. Другим просто не хватает денег на эвакуацию, ведь после того, как тебя вывезут, нужно еще как-то перемещаться по стране, на что-то жить.

Мы разговорились с этими двумя старушками, беседовали про первые дни войны, про непрерывные бои за Антоновский мост. Потом углубились в прошлое: как на 9 Мая они раньше заканчивали школу и отправлялись на другой берег Днепра жарить шашлыки. А потом одна из них рассказала, как в 1986 году, когда открывали мост, она отпросилась с

работы на праздничную церемонию. Это было целое дело, ведь появилась нормальная сухопутная связь с Крымом. И тут я поняла, как сложно обстоятельства истории и географии переплелись в этом одном человеке.

* * *

Я могу рассказать много историй про ужасающие атаки на мирное население. Но есть одна фотография, которая немного отличается от того, что обычно снимают на войне, и она показывает сложность происходящего на фронте. Это снимок пожилого пленного, которого взяли украинские солдаты неподалеку от Лимана, за несколько дней до того, как осенью вернули город под свой контроль.

Украинские солдаты высаживают из лодки 69-летнего Александра, которого они подозревают в шпионаже в пользу России. Фото: Nicole Tung

Мы стояли у реки, когда солдаты причалили к берегу на своей моторке. Поначалу я даже не заметила его, он был сзади, возможно, лежал на дне под сидениями. И вот все начали выгружаться, и я увидела мужчину с полотенцем на голове. Я даже сразу не очень поняла, что происходит, только через несколько мгновений до меня дошло: это пленный.

Фотография получилась более драматичной, чем реальная сцена. Знаете, так бывает. Потому что на самом деле пленного просто выводят из лодки

— обращались с ним нормально, насилия не применяли, ничего такого. Толком еще не понимая, что происходит, я начала снимать, а потом уже услышала, как украинские военные обсуждают его историю и говорят, что нужно еще допросить его, прежде чем передавать разведке.

По его словам, он просто собирал хворост, но задержали его в довольно необычном месте, между российскими и украинскими позициями, к тому же нашли при нем рубли. И не было до конца ясно: правда ли он собирал хворост? А может, все-таки шпионил в пользу России?

Для меня оказаться на берегу той реки и сфотографировать эту сцену было очень ценно. Когда освещаешь войну в Украине, на передовую получается добраться не так уж часто. Но в каком-то смысле история с пленным даже лучше: вместо того чтобы снимать солдат, которые палят из пушек или что-то такое, я увидела, насколько сложной может быть ситуация. Многих гражданских на востоке страны подозревают в измене, особенно русскоговорящих. Корреспондент *New York Times* написал тогда отличную статью, которая очень точно передавала суть этой проблемы. Туман войны.

* * *

Думаю, для человека, который никогда не бывал в зонах боевых действий вообще и в Украине в частности, довольно трудно себе представить, что мирная жизнь может продолжаться в относительно безопасных местах, которые тем не менее иногда оказываются под ударом. Взять, к примеру, ужасные

события в Днепре 14 января. Когда ракета попала в жилой дом, я была совсем рядом и сразу отправилась на место трагедии. Картина была чудовищная, погибли больше 40 человек. При этом уже через пару дней я видела, как муниципальные служащие разбирали завалы, расчищали улицы, чинили ограды. А в округе опять открылись кофейни и рестораны.

Женщина плачет над родственником, вместе с которым они пытаются покинуть Ирпень, 7 марта 2022 года. Фото: Nicole Tung

С одной стороны, для меня это выглядит странно: вроде бы люди почти не оплакивают погибших. Но у них и возможности такой нет, потому что трагические события происходят часто, а им нужно продолжать жить. И это дихотомия, от которой здесь никуда не деться. С другой стороны, совершенно невероятно, насколько четко эти люди осознают, что им нужно выходить из дома, нужно продолжать жить, нужно тратить деньги, чтобы поддерживать экономику страны.

При этом существует и параллельная экономика, основанная на волонтерстве: многие люди очень сильно зависят от продовольственной и прочей помощи, иначе им не выжить. Прошло уже больше года с начала войны, и все более или менее устаканилось. Но энтузиазма, готовности помочь меньше не стало, очень многие готовы делиться своим временем и ресурсами.

Наверное, после года любой войны люди так или иначе к ней привыкают. Они уже знают, что делать.

Взять хотя бы бетонные убежища, которые вдруг стали возникать на улицах Днепра и других городов. Смотришь на них и думаешь: ого, это ведь уже совершенно нормальное явление! И не то чтобы люди смирились с происходящим — они по-прежнему в негодовании. Просто так они справляются с ситуацией, учатся существовать в ней, заботятся о своей безопасности, но при этом продолжают жить.

И чем дальше на запад страны вы уезжаете, тем более нормальной кажется эта жизнь. Хотя она совершенно не нормальна, потому что больше половины жителей этих районов — беженцы из других регионов Украины.

Да и для меня самой освещение этого конфликта — совершенно новый в этом смысле опыт. После съемки я возвращаюсь в гостиницу или другой город и могу пойти в ресторан поужинать. А утром просыпаюсь и снова отправляюсь снимать военный репортаж.